

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. СКИФСКИЕ ШЛЕМЫ	9
Глава 2. КРЕМЛЬ И ОКРЕСТНОСТИ	36
<i>Антракт I. Пресса</i>	<i>76</i>
<i>Антракт II. Полет совы</i>	<i>79</i>
Глава 3. ЛЕЧЕНИЕ ШОПЕНОМ	82
Глава 4. ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ	101
Глава 5. ТЕАТРАЛЬНЫЙ АВАНГАРД	123
Глава 6. КОРЕНЬ КВ. РКП(б)	132
Глава 7. НА НОСУ ОЧКИ СИЯЮТ!	165
<i>Антракт III. Пресса</i>	<i>191</i>
<i>Антракт IV. Пляска пса</i>	<i>195</i>
Глава 8. СЕЛО ГОРЕЛОВО, КОЛХОЗ «ЛУЧ»	199
Глава 9. МЕШКИ С КИСЛОРОДОМ	208
Глава 10. ЗОРЬКИ, ГОЛУБКИ, ЗВЕЗДОЧКИ... ..	233
Глава 11. ТЕННИС, ХИРУРГИЯ И ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ	248
Глава 12. ШАРМАНКА-ШАРЛАТАНКА	262
Глава 13. ЖИЗНЕТВОРНЫЕ БАЦИЛЛЫ	274
<i>Антракт V. Пресса</i>	<i>285</i>
<i>Антракт VI. Шум дуба</i>	<i>292</i>
Глава 14. ОСОБНЯК ГРАФА ОЛСУФЬЕВА	296

Глава 15. НЕСОКРУШИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ	306
Глава 16. А НУ-КА, ДЕВУШКИ, А НУ, КРАСАВИЦЫ!	327
Глава 17. НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ	351
Глава 18. РЕКОМЕНДУЮ НЕ РЫДАТЬ!	372
Глава 19. «МНЕ ТИФЛИС ГОРБАТЫЙ СНИТСЯ»	400
Глава 20. МРАМОРНЫЕ СТУПЕНИ	435
<i>Антракт VII. Пресса</i>	464
<i>Антракт VIII. Перескок белка</i>	474

Лели-лили — снег черемух,
Заслоняющих винтовку.
Чичечача — шашки блеск,
Бизэнзай — аль знамен,
Зиэгзой — почерк клятвы.
Бобо-биба — аль околыша,
Мипиопи — блеск очей
серых войск.
Чучу биза — блеск божбы.
Мивеаа — небеса.
Мипиопи — блеск очей,
Вээава — зелень толп!
Мимомая — синь гусаров,
Зизо зезя — почерк солнц,
Солнцеоких шашек рожь.
Лели-лили — снег черемух,
Сосесао — зданий горы...

Велимир Хлебников

Глава 1

Скифские шлемы

Ну, подумать только — транспортная пробка в Москве на восьмом году революции! Вся Никольская улица, что течет от Лубянки до Красной площади через сердце Китай-города, запружена трамваями, повозками и автомобилями. Возле «Славянского базара» с ломовых подвод разгружают садки с живой рыбой. Под аркой Третьяковского проезда ржание лошадей, гудки грузовиков, извозчичий матюгальник. Милиция поспешает со своими пока еще довольно наивными трелями, как бы еще не вполне уверенная в реальности своей сугубо городской, не политической, то есть как бы вполне нормальной, роли. Все вокруг вообще носит характер некоторого любительского спектакля. Злость и та наигранна. Но самое главное в том, что все играют охотно. Закупорка Никольской — на самом деле явление радостное, вроде как стакан горячего молока после сыпного озноба: жизнь возвращается, грезится процветание.

— Подумать только, еще четыре года назад здесь были глад и мор, блуждали кое-где лишь калики перехожие, да безнадежные очереди стояли за выдачей проросшего картофеля, а по Никольской только чекистские «маруси» проезжали, — говорит профессор Устрялов. — Вот вам, мистер Рестон, теория «Смены вех» в практическом осуществлении.

Два господина приблизительно одного возраста (35–40 лет) сидят рядом на заднем сиденье застрявшего на Никольской «Паккарда». Оба они одеты по-европейски, в добротную комплектную одежду из хороших магазинов, но по каким-то незначительным, хотя вполне уловимым приметам в одном из них нетрудно определить русского, а в другом настоящего иностранца, более того, американца.

Парижский корреспондент чикагской «Tribune» Тонсенд Рестон в течение всего своего первого путешествия в Красную Россию боролся с приступами раздражения. Собственно говоря, это нельзя было даже назвать приступами: раздражение не оставляло его здесь ни на минуту, просто временами оно было сродни ноющему зубу, в другие же моменты напоминало симптомы пищевого отравления.

Может быть, как раз с пищи все и началось, когда в день приезда советские, так сказать, коллеги — этот невыносимый Кольцов, этот ерничавший Бухарин — потчевали его своими деликатесами. Эта икра... даром что и в Париже сейчас безумствуют с икрой, нашли в ней, видите ли, какой-то могущественный афродизиак... но ведь это же не что иное, как рыбы яйца, медам и месье! Доисторическая рыба, покрытая хрящевидными роготками... а главное все-таки — это

ощущение какой-то постоянной театральности, слегка тошнотворной приподнятости, бахвальства... и вместе с этим неуверенность, заглядывание в глаза, невысказанный вопрос. Европу они, похоже, уже раскрыли на будущее, но Америка сбивает их с толку. Рестона здесь тоже что-то сбивает с толку. Прежде он полагал, что знает пружины революций. Его репортажи из Мексики в свое время считались высшим классом журналистики. Он интервьюировал членов революционных хунт во многих странах Латинской Америки. Черт побери, теперь он видит, что «гориллы» по сравнению с этими «вершителями истории» были ему ближе, как и яблочный пирог по сравнению с проклятыми «рыбьими яйцами». Неужели большевики всерьез думают, что ворочают мирами? Все было бы проще, если бы речь шла просто о захвате и удержании власти, о смене правящей элиты, однако...

Готовясь к поездке, Рестон читал переводы речей и статей советских вождей. В конце августа РКП(б) была потрясена трагической историей, связанной с Америкой. Катаясь на лодке по какому-то озеру в штате Мэн, утонули два видных большевика, председатель «Амторга» Исай Хургин и Эфраим Склянский, ближайший помощник Троцкого в течение всех лет Гражданской войны. На похоронах в Москве всесильный «вождь мирового пролетариата» выдавливал из себя слова какого-то странного, едва ли не метафизического недоумения: «...наш товарищ Эфраим Маркович Склянский... пройдя через великие бури Октябрьской революции... погиб в каком-то ничтожном озере...»

Эдакое презрение к озеру, недоумение перед «вне-исторической» смертью; нет, они и в самом деле ощу-

щают себя чем-то сродни богам Валгаллы или по крайней мере титанами из мифологии. Черт возьми, мало кто в Америке поймет, что они одержимы своей «классовой борьбой» больше, чем аурой власти... Революция, похоже, это не что иное, как пик декаданса...

Увешанный черными пальто и солдатскими шинелями трамвай тронулся и проехал на десяток ярдов вперед. Шофер наркоминдельского «Паккарда», кряхтя, выворачивал руль, чтобы пристроиться в хвост общественному транспорту. Рестон, посасывая погасшую трубку, смотрел по сторонам. В мешковатой толпе иной раз мелькали чрезвычайно красивые женщины почти парижского вида. У входа в импозантное здание аптеки стояли два молодых красных офицера. Стройные и румяные, перетянутые ремнями, они разговаривали друг с другом, не обращая ни на кого внимания. Их форма отличалась той же декадентской дикостью, что и вся эта революция, вся эта власть: престраннейшие шапки с острыми шишаками и нашитой на лбу красной звездой, длиннейшие шинели с красными полосами-бранденбурами поперек груди, отсутствие погон, но присутствие каких-то загадочных геометрических фигур на рукавах и воротнике — армия хаоса, Гог и Магог...

— Простите, профессор, позвольте задать вам один, как мы в Америке говорим, провокативный вопрос. После восьми лет этой власти что вы считаете главным достижением революции?

Чтобы подтвердить серьезность вопроса, Рестон извлек свой «монблан» и приготовился записывать ответ на полях своего «бедекера». Профессор Устрялов весь

ма сангвинически рассмеялся. Он-то как раз души не чаял во всех этих «икорочках» и «стерлядках».

— Милый Рестон, не подумайте, что я над вами смеюсь, но главным достижением революции является то, что Цека стал старше на восемь лет.

По правде сказать, даже этот его сегодняшний спутник с его спотыкающимся английским в сочетании с самоуверенными переливами голоса (откуда у русских взялась эта манера априорного превосходства перед западниками?) раздражал Тоунсенда Рестона. Фигура более чем двусмысленная. Бывший министр в сибирском правительстве белых, эмигрант, осевший в Харбине, лидер движения «Смена веков», он нередкий гость в Красной Москве. Последняя его книга «Под знаком революции» вызвала разговоры в Европе, а уж здесь-то ни одна политическая статья не обходится без упоминания его имени.

Зиновьев называет Устрялова классовым врагом, тем более опасным, что он на словах приемлет Ленина, говорит о благодетельной «трансформации центра», о «спуске на тормозах», о «нормализации» большевистской власти, о надежде на нэповскую буржуазию и на «крепкого мужика»...

Зиновьев иронизирует над Устряловым в типично большевистской манере — «курице просо снится», «как ушей своих не увидите кулакизации, господин Устрялов»... Бухарин называет его «поклонником цезаризма». Любопытно, на что и на кого делается намек в последнем случае?

Рестон в разговоре с Устряловым старался играть дурачка, поверхностного американского газетчика.

— Все возвращается на круги своя, — продолжал Устрялов, — ангел революции тихо отлетает от страны...

Рестон понимал, что он цитирует собственную книгу.

— Революционный жар уже позади... Победит не марксизм, а электротехника... Посмотрите вокруг, сэр, на эти разительные перемены. Еще вчера они требовали немедленного коммунизма, а сейчас расцветает частная собственность. Вчера требовали мировой революции, а сегодня только и ищут концессионных договоров с западной буржуазией. Вчера был воинствующий атеизм, сегодня «компромисс с церковью»; вчера необузданный интернационализм, сегодня — «учет патриотических настроений»; вчера прокламировался беспрекословный антимилитаризм и антиимпериализм, давалась вольная всем народам России, сегодня — «Красная Армия, гордость революции», а по сути дела, собиратель земель российских. Страна обретает свою исконную историческую миссию «Евразии»...

По мере разгрузки подвод у «Славянского базара» движение по Никольской хоть и черепашьям ходом, но восстанавливалось. Проплывали мимо живые сцены и впрямь довольно оптимистической толпы. Октябрьский легкий морозец бодрил уличных торговцев.

Торговка пирогами и кулебяками розовощекостью смахивала на кустодиевскую купчиху. Веселый инвалид на деревянной ноге растягивал мехи гармошки. Рядом торговали какими-то чертиками в стеклянных банках. Проезжающему американцу было невдомек, что диковинка называлась «Американский подводный житель».

— Ба, открылась Сытинская книжная лавка! — воскликнул Устрялов, обращаясь к американцу по-русски и как бы к своему, но потом, сообразив, что тому ничего не говорит это название, с улыбкой прикоснулся к твидовому колену. — В области литературы и искусства здесь сейчас полный расцвет, сэр. Открыты кооперативные и частные издательства. Даже газеты, хоть и все остались в руках большевиков, гораздо меньше пользуются трескучей пропагандой и больше дают прямой информации. Словом, болезнь позади, Россия стремительно выздоравливает!

С торцовой стены дома, что здесь, как и в Германии, именуется брандмауэром, смотрела афиша кинофильма — некто в цилиндре, смахивающий на Дугласа Фербенкса, завитая блондинка, которая вполне могла оказаться Мэри Пикфорд. Там же какие-то жалкие рисунки в кубическом стиле, большие буквы кириллицы. Если бы Рестон мог читать по-русски, он бы понял, что рядом с афишей голливудского боевика наклеен призыв Санпросвета «Вошь и социализм несовместимы!».

— Ну, что же люди партии, армии, тайной полиции? — спросил он Устрялова (он произносил «Юстре-лоу»). — Вам кажется, что и они проходят такую же трансформацию?

С подвижностью, свойственной мягким славянским чертам, лицо профессора переменило выражение экзальтации на серьезную, даже отчасти тяжеловатую задумчивость.

— Вы затронули самую важную тему, Рестон. Видите ли, еще вчера я называл большевиков «железными чудовищами с чугунными сердцами, машинными душа-